

ных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, где также ограничивающую иммунитет иностранного государства в частноправовых отношениях.

Однако несмотря на все успехи теории функционального иммунитета государства говорить о ее полном и безоговорочном признании еще преждевременно. Противники этой теории указывают на ее существенный изъян: отсутствие четких критериев, на основании которых действия государства можно четко разделить на публично-правовые и частноправовые.

Чаще всего в качестве таких критериев называют характер (природу) действий государства или ее цель. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности в качестве критерия предлагает прежде всего «исходить из природы контракта сделки, однако следует также учитывать их цель, если стороны контракта или сделки договорились об этом, или если, согласно практике государства суда, эта цель имеет отношение к определению некоммерческого характера этого контракта или сделки» (п. 2 ст. 2).

Однако, как замечает российский юрист Г.К. Дмитриева: «Если опираться на характер отношения, то любая сделка, операция, регулируемая частным правом, а не международным, является частноправовой, т.е. коммерческой операцией, и ничем не отличается от подобных операций, совершаемых частными лицами» [1, С. 265].

Немецкий юрист Х. Шак указывает, что при отграничении государственных действий от негосударственной деятельности «... нельзя отталкиваться от целей государственной деятельности, поскольку они в конечном итоге всегда носят государственный характер. Большое значение имеет природа действия, т.е. выступало ли государство в рамках частного права как частное лицо или же оно реализовало полномочия верховной власти. Все равно, поручает ли государство провести ремонт отопления, покупает ли вооружение, принимает ли на работу наемного работника или поручает маклеру подыскать земельный участок для строительства здания консульства, - во всех случаях оно выступает в правовом обороте как частное лицо и потому не обладает иммунитетом» [2, С. 70-71].

Как видно из приведенных суждений, различия в позициях российского и немецкого юриста в оценке деятельности государства не столь и значительны, однако как это не парадоксально, они приводят к совершенно противоположным выводам. Г.К. Дмитриева утверждает: «Какую бы деятельность ни осуществляло государство, оно выступает как *jure imperii*. Участвуя в частноправовых отношениях государство не теряет присущее ему качество властности и суверенности» [1, С. 268]. В свою очередь Х. Шак приводит довод: «... нет причины предоставлять иностранным государствам, действующим в рамках частного права, льготы по сравнению с другими участниками хозяйственного оборота» [2, С. 70].

Таким образом, теория функционального иммунитета пока не смогла вытеснить теорию абсолютного иммунитета государства, но, как представляется, это всего лишь вопрос времени. Большинство ведущих государств мира, которые определяют развитие не только экономики, но и права, твердо встали на позицию ограничения иммунитета государства в частноправовых отношениях. Попытки защиты позиций теории абсолютного иммунитета могут быть объяснены сакрализацией роли государства вообще как общественного института. Безусловно, что иммунитет государства в публично-правовых отношениях должен оставаться незабываемым, поскольку основан на принципах международного права. В то же время отсутствие четких критериев в определении характера действий государства не может быть использовано для отрицания теории функционального иммунитета государства вообще. В этом плане в качестве первоначального шага для Республики Беларусь могло бы стать обсуждение возможности присоединения к международной конвенции об иммунитете государства.

Литература

1. Международное частное право: учебник / Л.П. Ануфриева [и др.]; отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2004. – 688 с.
2. Шак, Х. Международное гражданское процессуальное право / Х. Шак. – М.: Изд-во «БЕК», 2001.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ В 1914-1918 ГОДЫ

П.В. Борботько

Заключение соглашений об освобождении гражданских лиц, интернированных во время Первой мировой войны было новым в международном гуманитарном праве.

Данные соглашения подразделяются на ряд групп:

- 1) соглашения, касающиеся свободы перемещения и разрешения отъезда;
- 2) соглашения о размещении гражданских лиц и инвалидов в Швейцарии;

- 3) особые соглашения о консульском персонале;
- 4) перемещение гражданских лиц из Африки;
- 5) соглашения об обмене списками, посещении лагерей, духовной помощи, снабжении хлебом, почтовом сообщении;
- 6) соглашения об освобождении гражданских лиц от принудительного труда;
- 7) соглашения об особом отношении к офицерам в отставке, офицерам запаса и служащим.

С Японией и Сербией Германии удалось заключить договор о гражданских лицах, попавших в руки неприятеля с началом войны. В соответствии с ним, они должны были оставаться на свободе и не должно было осуществляться препятствий для их отъезда домой.

Бетманн Гольвег указывал, что в отношениях с Италией были серьезные противоречия по вопросу репатриации интернированных гражданских лиц. Договор, действовавший до объявления Италией войны, предусматривал возможность для выезжающих беспрепятственно брать с собой принадлежащую им частную собственность. Остальные лица, для выезда которых на родину оставались какие-либо препятствия, должны были оставаться на свободе. Однако, еще до объявления войны итальянские власти перестали его соблюдать. Основания, которые приводили официальные лица Италии, как считал канцлер, были малозначительными и не должны были приниматься во внимание.

Переговоры с Францией, Великобританией и Россией исходили из того, что принципиально недопустимо содержание в плену гражданских лиц, и не может быть никаких преград для их выезда.

Конвенция, заключенная с Францией в сентябре 1914 года разрешала выезд удерживаемым с начала войны гражданским лицам, а именно: всем женщинам и девочкам, а также лицам мужского пола до 17 и старше 60 лет. В декабре 1914 года была принята новая конвенция, в соответствии с которой следовало освобождение всех лиц мужского пола от 45 до 60 лет, не пригодных к военной службе. В январе 1916 года – заключительное соглашение, на основании которого следовало освобождать следующие категории интернированных в Германии гражданских лиц и гражданских пленных во Франции:

- женщин и девочек;
- всех непригодных к военной службе лиц мужского пола без учета возраста и лиц до 17 и старше 55 лет;
- исключение составляли лица, которые из-за общих преступлений или проступков, включая преступления против государственной безопасности, находились в предварительном заключении или отбывали наказания.

Данное соглашение также распространялось и на тех гражданских лиц, которые были уведены из оккупированных районов, собственной территории, нейтральных и вражеских кораблей. Эльзас и Лотарингия, как спорные между Германией и Францией территории, были выведены из-под действия данного соглашения.

В 1914 и 1915 гг. были заключены соглашения и с Великобританией. Они разрешали отъезд всем женщинам и девочкам, лицам мужского пола до 17 и старше 55 лет, мужчинам в возрасте между 17 и 55 лет не годными к военной службе, врачам и священникам без различия возраста. В январе 1917 года было заключено новое соглашение, определявшее, что «если это не противоречит военным интересам, то всем гражданским лицам обеих сторон старше 45 лет, которые интернированы в зоне другой стороны, включая ее колонии и иные заграничные владения, разрешается выезд». Число интернированных лиц, задержанных обеими сторонами в силу военной необходимости, не должно было превышать 20 человек. В соглашение были включены также нанятые офицеры и капитаны торговых кораблей и рыбацких транспортных средств. Вопрос о применении данного соглашения к гражданским лицам, которые могли попасть в руки неприятеля уже в ходе войны, был отложен для дальнейших переговоров. На момент 2 марта 1917 года он еще не был решен.

В феврале 1915 года было заключено подобное соглашение с Россией (оно приведено в прил. 16-21). Доработка его затянулась до осени 1916 года. В результате в него были включены гражданские лица обеих сторон, вывезенные из района боевых операций, в частности, депортированные из Восточной Пруссии. Особой защитой пользовались все женщины, девочки, лица мужского пола до 16 и старше 50 лет, а также не пригодные к военной службе между 16 и 50 годами. Их освобождение должно было производиться, если дальнейшее задержание не вызывалось основаниями военной необходимости. На момент 2 марта 1917 года еще шла доработка деталей данного соглашения.

В 1917 году начались аналогичные переговоры с Португалией и Румынией. Однако, протоколы рейхстага не дают представления об их ходе и результатах.

С Великобританией и Францией Германия смогла заключить соглашения о размещении в Швейцарии инвалидов и больных из числа интернированных гражданских лиц. На них распространялись соглашения, касавшихся размещения инвалидов и больных военнопленных.

Как известно, при разрыве дипломатических отношений и объявлении войны в число военнопленных и интернируемых лиц попадает дипломатический персонал. Международные конвенции упустили из внимания данный аспект. В силу этого в ходе войны пришлось искать пути для обеспечения особой международно-правовой защиты консульских работников. Переговоры шли на основании принятой позиции о том, что при разрыве дипломатических отношений консульские работники должны иметь возможность покинуть вражеские районы с сопровождением, обеспечивающим им безопасный отъезд. После объявления войны все правительства, за исключением Японии и Сербии, создали препятствия для дальнейшего полного отъезда немецких консулов. Германия также задержала работников дипломатических служб государств Антанты (ссылаясь на прецедент, созданный ими самими). Переговоры Германии с Италией, Португалией и Румынией дали положительный итог – все консульские работники были освобождены. Франция согласилась на взаимное освобождение только кадровых консулов. Выборные же консулы должны были обмениваться на французских государственных служащих. Великобритания и Россия согласились поменять как кадровых, так и выборных консулов на иных дипломатических представителей.

Германия смогла добиться отправки во Францию интернированных гражданских лиц из Средней и Северной Африки, Индокитая, Южного моря. Таким образом, к ним начали применяться те же нормы, что и к военнопленным – интернированных лиц не размещали в местностях с тяжелым и вредным климатом.

Франция, Великобритания, Россия, Италия, Румыния согласились распространить на гражданских интернированных лиц договоры, касавшиеся обмена списками военнопленных, посещения концентрационных лагерей благотворительными обществами, оказания им духовной помощи, снабжения хлебом по особым нормам и открытия почтового сообщения. Никаких особых дополнений и особой правовой защиты в данном вопросе они не проявили.

Таким образом, можно заключить, что впервые в международной практике шли широкие переговоры между воевавшими державами по различным аспектам интернирования и содержания в плену гражданских лиц. Они касались: свободы перемещения и разрешения отъезда; размещения гражданских лиц и инвалидов в Швейцарии; особых соглашений о консульском персонале; перемещения гражданских лиц из Африки; обмена списками, посещения лагерей, духовной помощи, снабжения хлебом, почтового сообщения; освобождения гражданских лиц от принудительного труда; особого отношения к офицерам в отставке, офицерам запаса и служащим. Не все материалы, к сожалению, находятся в протоколах рейхстага. Поскольку тема нашего исследования базируется в основном на них, то это создает несколько не полную картину и требует дополнительных исследований.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

А.А. Бочков

Постановка вопроса сама по себе кажется абсурдной. Вместе с тем несовершеннолетние преступники являются частью нашего общества, проявлением его деформаций и изъянов, отражением всех негативных процессов. Безусловно, что несовершеннолетние преступники обладают определенным уровнем гипертрофированной правовой культуры. Это хорошо прослеживаются на ее составной части – правосознании. Известно, что правосознание – это осознание права того, что законно и противозаконно, справедливо и несправедливо, правомерно и неправомерно. Оно существует в виде идей, теорий, концепций, эмоций, настроений, как отражение государства и права на индивидуальном, групповом и общественном уровне. Правовое сознание включает в себя: знание права, отношение к праву, правовую убежденность и навыки правомерного поведения.

Проведенное социологическое исследование 377 воспитанников ВК – 1 (г. Витебск) и ВК-2 (г. Бобруйск) методом опроса, изучение специальной литературы позволяет проследить основные тенденции формирования правовой культуры, осознания ими правовой реальности.

При анализе социологических данных следует делать скидку на юный возраст несовершеннолетних преступников (87% до 18 лет), отсутствие жизненного опыта, низкий уровень образования (48,5% имеют неполное среднее образование, 42,4% – среднее и только 7,1% – среднее специальное и 1,9% высшее).

Большинство опрошенных верно представляют, что правовая культура общества – это совокупность материальных и духовных ценностей в сфере государства и права (54,6%), идей, понятий, представлений о праве (18,6%), эффективно действующей судебной системы (6,1%), отражение правовой действительности в виде юридических знаний и оценочных отношений к праву (20,6%).